

Проклятый суцай! Если ты еще хоть раз посмеешь взглянуть на соседскую лисицу, эта старуха выцарапает твои воровские зенки своим мясницким ножом!

Ах ты! Ах ты! Бессовестная мегера!

Кого ты назвала мегерой?!

Вслед за раскатистым, полным сил криком в доме тут же раздался грохот — это полетели на пол кастрюли и миски, так что несколько воробьев на крыше испуганно взмыли в воздух.

Пока эта ссора разгоралась всё сильнее, с другой стороны донесся детский плач — должно быть, малыша разбудили или напугали.

Стоило ребенку заплакать, как старый желтый пес, дремавший в тени дерева, тут же вскочил и, виляя хвостом, зашелся в яростном лае. В знойный летний день вокруг со всех сторон зазвучали недовольные ругательства и проклятия.

Тань Чжоу с крайне ленивым видом сидел под ивой во дворе, уперев локоть в колено и зажав зубами травинку. Прищурившись, он задрал голову к ярко-синему небу и тяжело выдохнул застарелую тоску, словно выпуская невидимые кольца дыма.

Покурить не получалось, а тело, лишенное какой-либо никотиновой зависимости, страдало точно так же.

Тяга к сигаретам, казалось, давно стала привычкой, идущей из самой глубины души. Точно так же он с самого детства всеми силами старался попадаться на глаза второму старшему брату — эта привычка выросла в костный мозг, и избавиться от нее было невозможно.

Настроение было поистине сложным: хотя он и вернулся с того света, никакой радости это не принесло. Попад в эту непонятную древность, он остался без сигарет и без второго старшего брата. Тань Чжоу превратился в совершеннейшего одинокого призрака, чьей нынешней личиной стал некий Сюэ Юньчжоу. Целыми днями он ходил в халате из грубой, но тщательно сшитой ткани, а стоило наугад вытянуть из шкафа любую книгу, как от пресловутых классических текстов начинала идти кругом голова.

Ах да, была еще матушка — та самая лисица, о которой только что кричала Мясщица, отчитывавшая своего мужа-суцаю.

Этот ветхий сыхэюань расположился в трущобах северной части города: семь-восемь семей теснились на крошечном пятачке, и стоило где-нибудь случиться малейшему пустяку, как об этом тотчас узнавали все вокруг. Тань Чжоу, привыкший к сытой и комфортной жизни, никак не мог привыкнуть к столь грязному, запущенному и шумному месту. Сейчас же, слушая бесконечную грызню в доме суцаю, он до того утомился, что ему безумно хотелось кому-нибудь

врезать.

Дверь в доме суцая со скрипом отворилась, и Мясщица вышла наружу с тазом воды, ошпаренной свиной щетиной. Ругаясь на ходу, она скосила глаза и заметила сидевшего под деревом Тань Чжоу. Ее брови тут же взлетели вверх, она широким шагом подошла к нему и пнула ногу:

— Убирайся! Я воду выливаю!

Двор был не сказать чтобы маленький, но смотреть в нем было особо не на что: посреди росли всего два дерева, которые Тань Чжоу и старый желтый пес поделили между собой. Дерево, под которым устроился Тань Чжоу, находилось как раз посередине между их домом и домом суцая, так что попросить его подвинуться было вполне резонно, однако на лице Мясщицы читалось такое откровенное злорадство, что она явно пришла поскандальить.

Тань Чжоу прожил здесь всего несколько дней и еще не до конца понимал, как должен был вести себя прежний Сюэ Юньчжоу. Судя по наглому нраву Мясщицы, прежний владелец тела, должно быть, являлся редкостной тьюфякой, о которую все вытирали ноги?

Тань Чжоу как раз размышлял, стоит ли уступать дорогу, как его носок снова пихнули. Он тотчас рассвирепел, прикусил травинку зубами, чуть склонил голову набок, задрал подбородок и тяжелым, полным холода взглядом уставился на Мясщицу:

— Двор такой огромный, неужели больше негде воду вылить?

Натолкнувшись на его взгляд, Мясщица почему-то почувствовала, как у нее зачесался затылок. Внезапно ей стало страшно встречаться с ним глазами; она испуганно отвела взгляд, мысленно выругавшись наваждением, но тут же снова зыркнула на него:

— Велела подвинуться — значит, двигайся! С чего столько болтовни?!

С этими словами она сделала вид, что собирается плеснуть на него горячую воду из таза.

Тань Чжоу неподвижно смотрел на нее.

Руки Мясщицы оцепенели: выплескивать воду было страшно, но и отступить назад — тоже. Ей оставалось только молча таращиться на него в ответ.

Тань Чжоу давным-давно раскусил, что вся ее храбрость заключалась лишь в пустых угрозах, и ему было лень опускаться до споров с ней. Усмехнувшись, он поднялся на ноги, плюнул травинкой прямо в ее таз, осклабился, отряхнул руки от пыли и вперевалочку направился к своему крыльцу.

Мясщица ошарашенно обернулась и проводила взглядом его спину. Сама она не понимала, в чем дело, но ей упорно казалось, что этот Сюэ Юньчжоу, сидевший и стоявший вразвалочку, обладал куда большим внутренним стержнем, чем прежний, вечно выпрямлявший спину как палку, — словно перед ней стоял совершенно другой человек.

— Юньчжоу, заходи скорее, — госпожа Кан приподняла занавеску и с улыбкой поманила его рукой.

Мать Сюэ Юньчжоу, госпожа Кан, выглядела лет на тридцать с небольшим. По меркам древности это считалось возрастом увядающей женщины, но в современности она казалась совсем молодой. Несмотря на все тяготы жизни, природная красота сохранилась, и она до сих пор оставалась привлекательной женщиной.

Когда Тань Чжоу обнаружил, что точь-в-точь похож на Сюэ Юньчжоу, он отчаянно надеялся, что эта мать окажется лицом в лицо похожа на его собственную. К сожалению, черты госпожи Кан не имели ничего общего с матерью, которую он помнил по детским фотографиям. Это было вполне ожидаемо, но все же немного горько.

— Матушка, — Тань Чжоу улыбнулся ей, стараясь выглядеть как можно более ласково.

Улыбка госпожи Кан стала еще теплее, а на дне ее глаз мелькнула радость человека, которого незаслуженно благодетельствовали. Хотя это было едва заметно, Тань Чжоу все же уловил этот взгляд. Она подняла со стола синий халат, приложила к груди Тань Чжоу и мягко произнесла:

— Матушка сшила тебе новую одежду, у ворота и на рукавах вышила скрытый узор. Посмотри, красиво вышло?

Тань Чжоу опустил взгляд и окинул вещицу долгим взглядом. Хотя древние и современные вкусы различались, он все равно смог оценить мастерство вышивки госпожи Кан. Невольно улыбнувшись, он кивнул и искренне похвалил:

— Очень красиво! Спасибо, матушка!

— Экзамены в провинции уже на носу, и пойти туда в новом костюме — неплохая примета. Но все же тебе стоит уделять больше времени учебе: если не сдашь экзамены и не получишь ученую степень, сколько бы друзей ты ни завел, толку от этого не будет, — госпожа Кан принялась увещевать его с мягкой настойчивостью. Словно опасаясь, что он рассердится, она тут же поспешно добавила: — Матушка не жалеет серебра, матушка боится, что люди станут сходить с тобой лишь из-за твоего широкого жеста, а не по искренней дружбе. Как говорится, не выставляй богатство напоказ. Мы с тобой, мать и сын, полагаемся только друг на друга, так что нам всегда следует проявлять осторожность. Если вдруг мы попадемся на глаза недобрым людям, у нас нет ни власти, ни связей, и тогда нам останется лишь стать рыбой на их разделочной доске.

Тань Чжоу во всем согласился с госпожой Кан. У него отроду не было защиты против нежных женщин старшего возраста — возможно, сказывался недостаток материнской любви, но забота госпожи Кан пришлась ему весьма по душе.

Поболтав немного, мать и сын пообедали. Глядя на тонкие лучики морщинок у нее в уголках глаз, на ее мягкую и довольную улыбку, слушая ее бесконечные заботливые наставления, Тань Чжоу вдруг подумал, что иметь такую мать — поистине великое благо. Быть может, небеса позволили ему занять место Сюэ Юньчжоу именно для того, чтобы он познал материнскую любовь?

Тань Чжоу с горькой усмешкой подшутил над самим собой, а заметив, что госпожа Кан недоверчиво смотрит на него, поспешно положил ей в чашку еды:

— Матушка устала, поешь побольше.

Госпожа Кан на мгновение замерла, быстро опустила глаза и, сглотнув подступивший к горлу ком, кивнула:

— Хорошо! Хорошо! Ты тоже ешь побольше! — помолчав, она с улыбкой добавила тихим голосом: — Юньчжоу, матушка чувствует, что после пережитого потрясения ты стал намного разумнее.

Тань Чжоу машинально потрогал затылок, где еще не до конца спала шишка. Придя в себя, он окольными путями восстановил общую картину произошедшего: Сюэ Юньчжоу до смерти забили. Тот негодяй позарился на красоту госпожи Кан и, воспользовавшись тем, что во дворе никого не было, прокрался внутрь с дурными намерениями. Так вышло, что он столкнулся нос к носу с вернувшимся Сюэ Юньчжоу. Между ними завязалась драка, Сюэ Юньчжоу избили до полусмерти, а затем ударили камнем по затылку, отчего он испустил дух прямо на месте. Поняв, что дело пахнет керосином, воришка тут же дал драпака.

В доме вдовы всегда много толканины и пересудов. Вспомнив брань Мясщицы, Тань Чжоу презрительно скривил губы. Мысль о том, что ему еще предстоит сдавать экзамены, вновь отозвалась болью в голове, и он осторожно прощупал почву:

— Матушка, а если я не сдам экзамены? Что тогда?

Выражение лица госпожи Кан осталось совершенно неизменным — казалось, она вовсе не питала особых надежд на его успехи:

— В нынешние времена хорошим чиновником быть трудно. Матушка не жаждет для тебя богатства и знатности, ей лишь нужно, чтобы твоя жизнь прошла в здравии и покое.

— Хм... — Тань Чжоу замолчал на секунду. — Если в этот раз не сдам, что если я займусь

каким-нибудь ремеслом?

Госпожа Кан изумилась до крайности:

— Ты одумался?

Тань Чжоу приподнял бровь, кивнул и неопределенно хмыкнул в ответ.

Госпожа Кан не стала больше ничего расспрашивать, лишь выразила свою поддержку, хотя, судя по всему, в его «прозрение» она тоже не особо верила. Похоже, прежний Сюэ Юньчжоу был безумно помешан на карьерном успехе и мирской славе.

Тань Чжоу вовсе не считал чины и богатства пустым звуком. Если бы только от чтения древних текстов у него не раскалывалась голова, он был бы не против пойти на имперские экзамены и заполучить хоть какое-то тепленькое местечко. Жить в древности непросто, а раз за его спиной больше нет второго старшего брата, ему придется карабкаться наверх собственными силами, чтобы урвать шанс на лучшую жизнь.

При мысли о втором брате Тань Чжоу помрачнел.

Тань Люй, второй из братьев в семье Тань, его сводный брат, был старше ровно на десять лет. Порой он бывал с ним строг, как настоящий отец. Тань Чжоу влюбился в него еще в пору смутных подростковых чувств и продолжал любить до самой своей гибели — безнадежно, до чертиков. Небеса сыграли с ним злую шутку: стоило ему, поддавшись храбрости от выпитого вина, решиться на признание в свой двадцатый день рождения, как всё оборвал вылетевший из-за угла грузовик. Он помнил, как Тань Люй резко выкрутил руль и, когда исправить что-либо было уже невозможно, бросился вперед, заключив его в крепкие объятия.

Момент перед смертью застыл на этой точке, и стоило Тань Чжоу вспомнить об этом, как сердце пронзила острая боль. Даже закрытый чужим телом, он не смог избежать гибели, а что же второй брат...

— Юньчжоу, что с тобой? — в голосе госпожи Кан слышалась тревога, прервавшая его молчание.

— ...Ничего, — Тань Чжоу покачал головой и одарил госпожу Кан успокаивающей улыбкой.

В этом мире у него осталась лишь одна по-настоящему любящая душа — госпожа Кан. Раз уж ему посчастливилось воспользоваться удачей Сюэ Юньчжоу, с этого момента он будет считать себя исключительно им.

Сюэ Юньчжоу, Сюэ Юньчжоу...

Тань Чжоу мысленно перекатывал на языке эти три иероглифа, пытаясь сродниться с новым именем.

Сменивший сущность Сюэ Юньчжоу заставил госпожу Кан сиять от радости и уже собирался выйти прогуляться, как вдруг снаружи раздался оклик:

— Дома ли молодой господин Сюэ?

Сюэ Юньчжоу приподнял занавеску и выглянул наружу:

— Вы ко мне? — С этими словами он чуть отступил в сторону, приглашая гостя в дом.

Госпожа Кан повернулась, перевела взгляд на порог, и ее лицо в тот же миг побелело.

У дверей стоял солидно одетый мужчина среднего возраста. Полностью проигнорировав госпожу Кан, он почтительно поклонился Сюэ Юньчжоу и расплылся в крайне смиренной улыбке:

— Старший молодой господин, князь-регент отдал приказ направить старого слугу забрать вас в поместье.

— ... — Сюэ Юньчжоу слушал всё это с совершенно ошарашенным видом, тупо глядя на него.

Госпожа Кан бросилась вперед, спотыкаясь на ходу, нервно затянула Сюэ Юньчжоу себе за спину, а ее губы задрожали:

— Управляющий Чэнь, Юньчжоу был изгнан князем из поместья еще пять лет назад! С какой стати ему вдруг возвращаться?

Улыбка на лице управляющего Чэня слегка померкла, а выражение стало несколько пренебрежительным:

— Сударыня, извольте шутить. Пусть старший молодой господин и провел вне дома пять лет, он все же остается законнорожденным старшим сыном Поместья маркиза. Было бы немыслимо позволить ему жениться на чужбине, верно я говорю?

— Жениться? — госпожа Кан испуганно вздрогнула, нахмурилась и, подавив охватившее ее раздражение, спросила: — И о дочке какого рода идет речь? Я ведь всё же биологическая мать Юньчжоу...

Сюэ Юньчжоу шевельнул бровями, сообразив, что его прежняя догадка оказалась неверной:

госпожа Кан вовсе не была вдовой. Когда-то она являлась законной женой маркиза, а теперь коротала век в одиночестве с сыном на стороне — судя по всему, ее просто-напросто бросили.

Управляющий Чэнь усмехнулся:

— Речь вовсе не о девице из какой-либо семьи. За него выходит князь-регент.

Госпожа Кан широко раскрыла глаза и шумно втянула воздух.

— Кхе... — Сюэ Юньчжоу попертился собственной слюной и, решив, что ослышался, выдавил с трудом: — Я выхожу замуж за Регента?

Но Регент ведь мужчина, верно? Ни от кого он не слышал, чтобы у власти стояла женщина!

Управляющий Чэнь посмотрел на него странным взглядом:

— Нет, разумеется, это князь-регент берет старшего молодого господина в жены. Приданое для старшего молодого господина уже полностью готово.

Сюэ Юньчжоу с безмятежным выражением лица поднял глаза к потолочным балкам, в то время как в его душе несло стадо диких зверей.

Твою мать! Однополые браки здесь, оказывается, на законном уровне! Да сколько всего в этом мире мне еще предстоит узнать?!

Погодите-ка! С какой стати я должен выходить замуж за этого Регента, о котором даже не знаю, кругл он или квадрат?!

<http://bllate.org/book/25376/3025331>